

О.В. Паченков

**МАЛАХОВ В.С. «СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ РАСИЗМА»
И ДРУГИЕ СТАТЬИ. М.: Модест Колеров и
«Дом интеллектуальной книги», 2001. — 176 с.**

Вышедшая в 2001 г. книга имела своей целью объединить статьи, которые были написаны в разные годы и, по словам автора, «с самого начала замышлялись как часть объемного проекта, посвященного проблематике культурного плюрализма». Пафос книги может быть, на мой взгляд, охарактеризован следующим образом: стремление осмыслить роль интеллектуалов в конструировании предрассудков и ложных представлений о природе социальных феноменов. Разбираемые в статьях социальные феномены преимущественно касаются вопросов этничности и культуры. Сегодня уже существует огромное количество публикаций по теме культурного плюрализма и / или мультикультурализма. Однако, я осмелюсь утверждать, что книга Малахова стоит особняком в этом ряду.

Из книги явствует, что лейтмотивом всего «объемного проекта» является переосмысление идеи мультикультурализма. Первоначально проект мультикультурализма представлялся автору достойной альтернативой этническому национализму и расизму. Однако позже Малахов пришел к выводу, что сам проект мультикультурализма со временем все больше приобретает неожиданные формы, стремясь превратиться в свою противоположность. В процессе аналитического разбора истории проекта мультикультурализма, автор рассматривает дискуссии об истории конструирования проектов этничности и национализма, о культурном плюрализме, идеологии расизма, о природе идентичности в ее психологическом и социальном аспектах и др. Из фрагментов, вошедших в книгу в виде статей, складывается мозаичное панно, повествующее об истории такой трансформации идеологии мультикультурализма. В книге читатель найдет детальное описание того, как будучи выведенным в интеллектуалистский дискурс западных (и, отчасти, российского) обществ проект мультикультурализма шаг за шагом удалялся от своей первоначальной идеи.

Резюме автора таково: мультикультурализм превратился на практике в идеологию, провоцирующую напряженность и конфликты между людьми. Мультикультурализм, задуманный как проект, призванный помочь снять неприязнь и конфликты на расовой, этнической и национальной почве, сегодня сам становится источником новых конфликтов. Единственное отличие, а также причина новых проблем, состоит в том, что в рамках идеологии мультикультурализма конфликты, напряженность, ксенофобия трактуются не в расовых и этнических терминах, а в терминах культур. Однако от изменения названия суть идеологии не изменилась.

По мнению автора, причина неудачи проекта мультикультурализма состоит в том, что убеждения его идеологов зиждутся на тех же основаниях, из которых исходит обыкновенный расизм и этнический национализм, т. е. это те идеологии, с которыми мультикультурализм был призван бороться. Среди этих оснований Малахов называет, в частности, эссенциализм и объективизм в подходах к изучению этничности, гипостазирование и реификацию в понимании этничности, этнической идентичности и этнических групп.

В числе причин, приведших к извращению идеи мультикультурализма, Малахов особо выделяет таинственный феномен, элегантно названный им «скромным обаянием расизма». Сам автор стремится разрушить ложную таинственность этого явления, «расколдовать» идеологию рафинированного расизма при помощи точного логического и лингвистического анализа.

Судя по тому, что вся книга получила название в честь указанного феномена, он представляет особый интерес для автора. Потому и я позволю себе остановиться на вопросах расизма и его привлекательности подробнее.

Итак, автор исходит из того, что идеология расизма, которая была неоднократно подвергнута интеллектуальной анафеме, продолжает здравствовать, приняв сегодня иной вид. Малахов дает читателю возможность заглянуть в историю трансформации расизма из одной формы в другую — из официальной идеологии — в запрещенную, из эксплицитного — в имплицитный, при полном сохранении своей сущности. Автор указывает на несомненные признаки расистского мышления среди современных интеллектуалов, по-прежнему не сомневающих в биологическом основании культурных различий и осуществляющих «натурализацию социального».

В чем же загадка такой живучести идеологии, примитивно, но от этого не менее успешно разделяющей людей на три-четыре сорта / типа? Малахов совершенно справедливо подчеркивает, что решающее значение здесь имеют не социальные и не биологические детерминанты человека, его поведения и внешности, но их интерпретация. Не менее важно и второе замечание: суть расизма в «естественном» выведении господства из различий.

Итак, налицо две ключевые характеристики расизма как идеологии, вне зависимости от форм, примитивных или рафинированных, которые она принимает: 1) понимание различий между людьми, как естественных, биологически (природно) обоснованных, 2) выведение из понимаемых таким образом различий иерархии людей и отношений господства, которое видится тогда как «естественные».

Малахов показывает, что современные адепты мультикультурализма руководствуются теми же идеями, только в рафинированном виде, заменяя «природу» на «культуру», а «неполноценность» на «различие как таковое». Это чрезвычайно важное разоблачение призвано привлечь внимание сегодняшних интеллектуалов, с одной стороны, к критическому анализу оснований их собственных умозаключений, с другой, к переосмыслению ближайшего будущего человечества, судьба которого в значительной степени определяется заключениями все тех же интеллектуалов.

Основная цель анализа, проводимого Малаховым, как я ее понимаю, состоит, во-первых, в разоблачении ложных толкований ряда концептов (ложное толкование подразумевает, в том числе, их неоправданную гипостазирующую реификацию, объективацию и т. п.), во-вторых, в том, чтобы понять, что же произошло с этими концептами в течение времени их бытования в интеллектуалистском дискурсе.

Понимание же в свою очередь необходимо ему для того, чтобы вооружить интеллектуалов, политиков, журналистов, обывателей такими социальными и политическими проектами, которые способствовали бы снятию напряженности в отношениях между людьми. Мне, однако, кажется, что критический пафос у Малахова значительно сильнее пафоса созидательного. Иными словами, автор показывает заблуждения интеллектуалов, рассуждающих об этничности, культурах, расах и нациях, и делает это блестяще. Он говорит о том, как опасна роль интеллектуалов, и указывает на то, чего последним ни в коем случае не следует делать. К сожалению, из собранных в книге статей мы гораздо меньше узнаем о том, что же собственно следует делать... В этой связи позволю себе предложить читателям рецензии собственный вариант творческого переосмысления идей автора «Скромного обаяния расизма».

Я целиком согласен с тем, что современный интеллектуальный дискурс мультикультурализма, противопоставляемый в свое время расизму и национализму, стоит сегодня на тех же основаниях, что и отвергнутые им идеологии. На мой взгляд, следующим шагом должна стать разработка стратегического проекта, который позволил бы интеллектуалам и далее бороться с национализмом и расизмом с учетом совершенных ошибок (на которые столь точно указывает В. Малахов). Этот проект, по моему мнению, может состоять из двух шагов. Мультикультурализм является первым из них. Следующий шаг должен основываться на принципиально ином понимании окружающей реальности.

«Шаг первый»: признать мультикультуральность общества, отказаться от белого расизма, от доминирования White Anglo-Saxon (Russian, German...) Protestants (Orthodox, Catholic...) и европоцентризма как такового. Цветные телеведущие, чернокожие национально-культурные общества, индийские рестораны и празднование Нового года по лунному календарю — это все элементы первого шага, они чрезвычайно важны, но недостаточны — необходим следующий шаг. Да, «если без негра, занимающего важный пост, нельзя обойтись, значит, это кому-нибудь нужно»; несомненно, нужны «чернокожие генералы, адвокаты, шерифы» и так далее. Все это — отражение признания обществом ценностей культурного плюрализма. Но еще важнее для общества — быть способным показать «плохого», отрицательного чернокожего, не боясь быть обличенным в расизме. Вот это действительно прогресс. Я неоднократно слышал от своих весьма образованных и «продвинутых» друзей, мнение которых я уважаю: «ну почему, если фильм про гея (черного, лесбиянку, чукчу, мусульманина и т. д.), то этот фильм непременно «хорош!»?» (точно так же, как раньше он был по той же самой причине «заведомо плох»). Действительно, почему художественная ценность фильма должна ставиться в подчинение интересам того или иного политического проекта, будь то мультикультурализм или что угодно? Ответ на этот вопрос подводит нас к следующему шагу.

«Шаг второй»: «ослепнуть» в расовом и националистическом смысле, перестать выпячивать различия, которые слишком часто искусственно конструируются и выстраиваются — теми, кто обладает властью их производить — в иерархическом порядке. Следует отказаться от пропаганды и вращивания якобы «культурных» (фактически же — расовых и этнических) различий, по-прежнему полагая, что носители культур — это расы и этносы, которые суть объективные сущности со своей историей, характером, душой и т. п. Шаг второй требует обратить наконец внимание на индивидов, на их права и историю, на их характеры и души, на их интересы и потребности, не навязывая им примордиальной принадлежности (будь то по крови или по культуре) к опреде-

ленным группам, как бы их ни называть (этносы, нации, культуры и т. д.). Следует отдать преимущество гражданским правам индивидов перед коллективными правами групп, к которым индивидов приписывают насильно, не спрашивая их согласия.

Призыв сделать «второй шаг» основывается не только на логических умозаключениях, но и на вполне практических потребностях: пока люди не станут мыслить принципиально иначе, не станут исходить из принципиально иных оснований, их проблемы будут прежними, поскольку то, что имеет общее основание, будет иметь и схожие последствия. Т. е. современный мультикультурализм по-прежнему может выливаться в дискриминацию меньшинств (производство меньшинств — неизбежное следствие этой идеологии, а покуда есть меньшинства — есть и дискриминация), в межэтнические / межкультурные конфликты (потому что объективное существование этносов / культур — основа идеологии современного мультикультурализма) и т. п.

Малахов справедливо отмечает, что особое внимание сегодня следует уделять не культурным различиям (зачастую, как было подмечено выше, надуманным), а различиям социальным, можно сказать классовым, в марксовом и веберовском смыслах слова: различиям в жизненных шансах, в оплате труда, в возможностях занятости на первичном или вторичном рынке труда, в шансах на жилье, на гражданские права и т. п. Переведение дискуссии в культурологическую плоскость не только замутняет проблему, но и усложняет ее практическое решение. Это связано с тем, что к термину «культура», в его распространенном понимании, неизбежно примешиваются этнические, религиозные и прочие эмоциональные элементы, которые сильно затрудняют разрешение проблематичных вопросов. Поэтому я, со своей стороны, присоединюсь к позиции Малахова, призывающего по возможности избегать культурализации социальных проблем, поскольку «культурализация социального влечет за собой этнизацию политического» (с. 164).

Разумеется, и прямая этнизация социальных проблем ничем не лучше по своим губительным последствиям. Единственный, кто накапливает символический и иной капитал на культурализации и этнизации социального — соответствующие элиты, играющие в поле политики.

В заключительной части рецензии я бы хотел сделать несколько критических замечаний в адрес автора, с которым, на уровне принципиальной позиции, я согласен почти безоговорочно.

Прежде всего хочется отметить, что автор сам нередко совершает ошибки, которые совершенно справедливо вменяет в вину разбираемому им интеллектуалистскому мышлению. В частности, это касается использования реифицирующего языка и мышления при обсуждении этнических групп. На мой взгляд, этот парадокс не просто любопытен, но симптоматичен для всей дискуссии по вопросам этничности, национализма, мультикультурализма.

Книга «Скромное обаяние расизма...» условно может быть поделена на две части. Половина статей посвящена критике подходов, реифицирующих этносы и этническую идентичность. Вторая половина представляет собой собственно авторский анализ существования этнических групп, их взаимодействий и т. п. Очевидно, что после приведенной критики анализ, сделанный самим Малаховым, претендует на то, чтобы быть избавленным от ошибок гипостазирующей реификации, подмены следствий причинами и т. п. Между тем, при внимательном чтении оказывается, что в этой второй половине статей этнические группы зачастую описываются автором именно в

реифицированных терминах, как субъекты, обладающие собственной волей, интересом и т. п.; в качестве аргументов для своей точки зрения автор использует «объективные» данные — цифры, и т. п. Так, Малахов констатирует, что «в силу исторических обстоятельств наша страна *фактически* [курсив мой — О.П.] мультикультуральна» (с. 55). «Фактически» здесь означает — по факту, т. е. объективно, иными словами, онтологический статус мультикультурализма в России таков, что с этим «фактом» остается лишь мириться. Возникает вопрос: коль скоро нелепо утверждать об объективном существовании «культур», утверждение о том, что та или иная страна «фактически мультикультуральна» как минимум требует пояснений. Автор дает нам такие пояснения, используя следующие аргументы: «каждый пятый россиянин принадлежит к какой-либо нерусской этнической группе» (с. 55), «в большинстве национально-территориальных объединений (“национальные республики”) титульные этнические группы составляют менее половины населения» (с. 57).

Очевидно, что приведенные высказывания — примеры аргументации, типичной для дискуссии в среде примордиалистов и сторонников объективистского понимания природы социальной реальности, а не в среде конструктивистов, к которым относит себя и, очевидно, принадлежит по своим убеждениям уважаемый автор. Я бы согласился с тем, что подобные приемы обладают определенной силой убеждения читателя. Тем не менее, их форма (отсылающая к цифрам, фиксирующим «объективную реальность») полностью противоположна содержанию аргумента автора, стоящего на позиции «разумного конструктивизма» и осознающего беспомощность, а, скорее, беспочвенность статистических оценок в вопросах, затрагивающих вопросы идентичности. В результате возникает недоумение: неясно, зачем для передачи определенного содержания используется форма, способная это содержание дискредитировать...

В другом месте, рассуждая о теории социального и символического капитала Бурдьё, несомненно полезной для анализа отношений вокруг этничности, Малахов скатывается к гипостазированию и субстанциализации этнических групп, приписывая им обладание символическим капиталом, сознание и способность бороться за накопление этого капитала (с. 120). Я ни минуты не подозреваю автора в ошибочном понимании природы исследуемого феномена и полностью поддерживаю его стремление отказаться при исследовании этничности от субстанциализма, не впадая при этом в чистый номинализм. Единственным критическим моментом, с моей точки зрения, является то, что Малахову самому не всегда удается избежать подобных ошибок.

Вероятно, проблема автора (и не его одного) в том, что наше сознание и язык слишком сильно детерминированы дискурсами, в особенности доминирующими, что мешает нам мыслить по-новому, мыслить иначе — в логике вышеупомянутого «второго шага». Сложность состоит в том, что исследователю / аналитику зачастую сложно отделить представления людей о реальности, в которой они живут, от аналитического описания этой реальности при помощи «конструктов второго порядка». Нередко категории первого порядка (конструкты самих информантов) и категории второго порядка (научнообразные конструкты ученого) смешиваются. Слишком велик соблазн принять объективированные представления людей за объективный порядок вещей. Такая ситуация вполне устраивает действующие элиты, поскольку в этом случае заблуждающегося ученого уже не беспокоит вопрос о том, кто производит представления и заботится о том, чтобы они были объективированы и воспринимались как объективный порядок вещей. В этой ситуации, выражаясь словами Малахова, «дискурс различия выступает как источник различия» (с. 165).

Возможно, именно эта ситуация зачастую не позволяет избежать реифицирующей лексики даже исследователям-конструктивистам, коль скоро они пытаются отразить видение ситуации самими индивидами, которых изучают, а индивиды, в свою очередь, уверены в объективном характере социальных феноменов.

Еще одно мое критическое замечание касается вопросов детерминизма в поведении человека, которые Малахов затрагивает в своих статьях. Автор критикует биологический детерминизм, но сам нередко скатывается к социальному детерминизму, который, на мой взгляд, не решает проблемы и потому должен быть заменен критическим (де)конструктивистским анализом социальных и мыслительных процессов. Малахов последовательно критикует биологический детерминизм в общественных науках и мышлении интеллектуалов, но одновременно полагает существование того, что он называет «фундаментальным социальным механизмом». К таковым он относит, например, механизм исключения «другого».

Эта точка зрения не кажется мне плодотворной для социологического анализа.

Я бы не стал говорить о фундаментальных социальных механизмах. Социологический детерминизм ничем не лучше биологического — он апеллирует к «социальной природе» *homo sapiens* и потому ничем не отличается от биологизаторства, во всяком случае его «изменяемый» потенциал столь же мал. Апелляции к чему-то фундаментальному для социальной жизни имплицитно подразумевают следующее: изменить природу человека социального столь же трудно как и природу человека биологического. Логика здесь такова: «да, человек — животное социальное, социальная природа (понимаемая по аналогии с природой биологической) — его неотъемлемая сущность, которую можно зафиксировать и изучить и после этого с ней мириться, поскольку изменить природу, будь она биологическая или социальная, нельзя». Это то, что меня не устраивает в социологическом детерминизме. Я полагаю, вместо того, чтобы делать заключения по поводу того, что то или иное социальное явление отражает «фундаментальный социальный механизм», следует анализировать те формы, в которых этот механизм (вос)производится, то, как он существует в интеракциях конкретных социальных агентов. Так, со своей стороны, я склонен объяснять обаяние расизма особенностями мышления человека эпохи модерна.

На мой взгляд популярность расизма — в силе позитивистского и естественнонаучного мышления, которое сегодня по-прежнему доминирует в головах большинства обитателей европоцентричной части мира. Люди верят лишь тому, что имеет естественную природу, что можно потрогать, измерить, чье происхождение можно обосновать в природе, в объективном и неизменном, не подверженном влиянию человека порядке вещей. Только феномены такого порядка обладают действенной убедительной силой для людей модерна, которыми мы все пока остаемся, несмотря на заявления интеллектуалов. В этом сила расизма — он порождение эпохи модерна и умрет только вместе с ней.

Сила национализма — в том, что он опирается на расизм, с одной лишь незначительной разницей, которую справедливо подметил Малахов: природа заменяется на культуру плюс историю, неполноценность — на различие как таковое. Однако убеждающий потенциал культурных различий столь велик лишь по причине имплицитной редукции культуры к биологическим, естественнонаучным или как минимум квазиестественнонаучным основаниям, эвфемизмами для которых служит, например, дух (душа) народа.

Наконец, мое последнее критическое замечание. Оно, как и некоторые предыдущие, является скорее предложением к интеллектуальному и практическому сотрудничеству, нежели критикой в собственном смысле слова. То, чего лично мне не хватает в безусловно чрезвычайно интересных и полезных текстах Малахова, это живые люди, не только и не столько мыслящие, сколько действующие. Интеллектуальные спекуляции на уровне знания истории страны — красивы и в каком-то смысле допустимы, поскольку основываются на действительном знании исторических фактов, их неординарном и глубоком осмыслении, и сделаны на высоком уровне. Но, на мой взгляд, этого недостаточно. Тем более, что хорошо известно и, в первую очередь, это известно автору (см. с. 138) — нет объективных исторических фактов, они все изменчивы и по сути — продукт интерпретации тех, кто имеет большие или меньшие права на легитимную номинацию, не более того.

Для меня в большей степени значимыми являются непосредственные наблюдения за поведением людей, за их повседневным взаимодействием. Я предпочитаю анализировать именно эти «факты» и делать выводы на основании такого анализа. Тем более важным кажется сотрудничество интеллектуалов, представляющих различные дисциплины, но близких в том, что касается понимания природы изучаемых феноменов.

Я вижу потребность в сотрудничестве, с одной стороны, социологов и антропологов, работающих в поле с эмпирическим материалом, с живыми людьми, с другой стороны — интеллектуалов, анализирующих способы мышления социального в его различных формах, а также способы дискурсивного существования этих мыслительных конструктов, историю их формирования и бытования. Залог успеха такого сотрудничества в возможности продемонстрировать механизмы конструирования конкретной социальной реальности в ее непосредственной и несомненной связи с особенностями мышления обитателей / конструкторов этой реальности. Результатом совместной работы в этом направлении может и должно стать понимание устройства социальной реальности, в которой мы живем, ее демифологизация, ее «расколдовывание». Это позволит прийти к изменению способов мышления интеллектуалов, обывателей и политиков, к изменению понимания природы социальной реальности — не только на уровне научной дискуссии, но и в обыденном сознании; к изменению поведения людей, их социального взаимодействия. Эти изменения должны сказаться и на отношениях в той сфере социальной жизни, которая сегодня условно связывается с понятием «этнического». Коль скоро мы не ограничиваем себя верой в биологический и / или социальный детерминизм ксенофобии, такие изменения не должны казаться нам невозможными.